

Куда едет императрица Елизавета Петровна?

Опыт топографического исследования

Неизвестный художник XVIII в. Выезд императрицы Елизаветы Петровны. ГМК и «Усадьба Кусково XVIII века».

В ГМК и «Усадьба Кусково XVIII века» хранится картина «Выезд императрицы Елизаветы Петровны» неизвестного русского художника XVIII века. В Кусково она поступила из подмосковной вотчины Шереметевых — Мещериново.

В описи вотчины 1830 года эта картина упоминается как перевезенная в уборную кусковских покоев графа Николая Петровича и «изображает переезд государыни Елизаветы Петровны из зимнего в летний дворец на полотне в черной раме бортики золоченые». Картина не обладает высокими художественными качествами, она интересна скорее как свидетельство важного исторического события, о чем говорит и название. Сюжет этого полотна вызывает ряд вопросов: когда, кем и по какому случаю оно было создано?

На дальнем плане картины виден Невский проспект от церкви Рождества Богородицы, которая была возведена на месте современной площади перед Казанским собором, до Аничкова дворца и одноименного ему моста с частью процессии, начало которой во главе с каретой императри-

цы тянется вдоль дома Ивана Ивановича Шувалова. Художник очень точно изобразил каждое здание, что соответствует сохранившимся описаниям.

В 1741 году у Аничковского моста, на месте бывшего Преображенского полкового двора, началось строительство дворца по проекту архитектора Михаила Григорьевича Земцова. После его смерти в 1743 году и до конца 1750-х годов здание перестраивал Григорий Дмитриевич Дмитриев. Центральная трехэтажная часть с большим двусветным залом соединялась двухэтажными крыльями с боковыми трехэтажными корпусами, увенчанными куполами. С западной стороны к дворцу примыкал регулярный сад с павильонами, трельяжами, беседками и скульптурой. Именно такой облик Аничкова дворца запечатлел художник в «переезде императрицы». Известно, что усадьба, подаренная Елизаветой

Гравюра А.А. Грекова с рисунка М.И. Махаева. Вид на Летний дворец императрицы Елизаветы Петровны. 1753 г.
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург.

Петровной фавориту Алексею Григорьевичу Разумовскому, в 1770-х годах перешла в собственность Григория Александровича Потемкина. Уже при новом владельце в 1778—1779 годах архитектор Иван Егорович Старов возвел над боковыми крыльями третий этаж, а фигурные луковичные завершения заменил плоскими куполами.

Дом Ивана Ивановича Шувалова был построен в 1753—1755 годах по проекту Саввы Ивановича Чевакинского. Для того чтобы открыть вид на дворец со стороны Фонтанки и обширного луга, простиравшегося вдоль Невской перспективы до Фонтанки, в 1754 году были сломаны находившиеся на соседнем участке деревянные строения гофинтендантской конторы. Ограниченный со стороны луга сквозной колоннадой с небольшим павильоном в центре, дворец представлял собой трехэтажный особняк в стиле барокко, выходящий главным фасадом на Итальянскую улицу. Со стороны Невской перспективы находились два каменных дома, со стороны Садовой улицы — трехэтажное здание, со стороны Малой Садовой участок ограничивала колоннада с павильоном в центре. В 1775—1776 годах при новом владельце, генерал-прокуроре Сената Александре Алексеевиче Вяземском, дворец был частично перестроен. Его фасады приобрели черты, характерные для раннего классицизма. Дворовый сад при этом не переделывался.

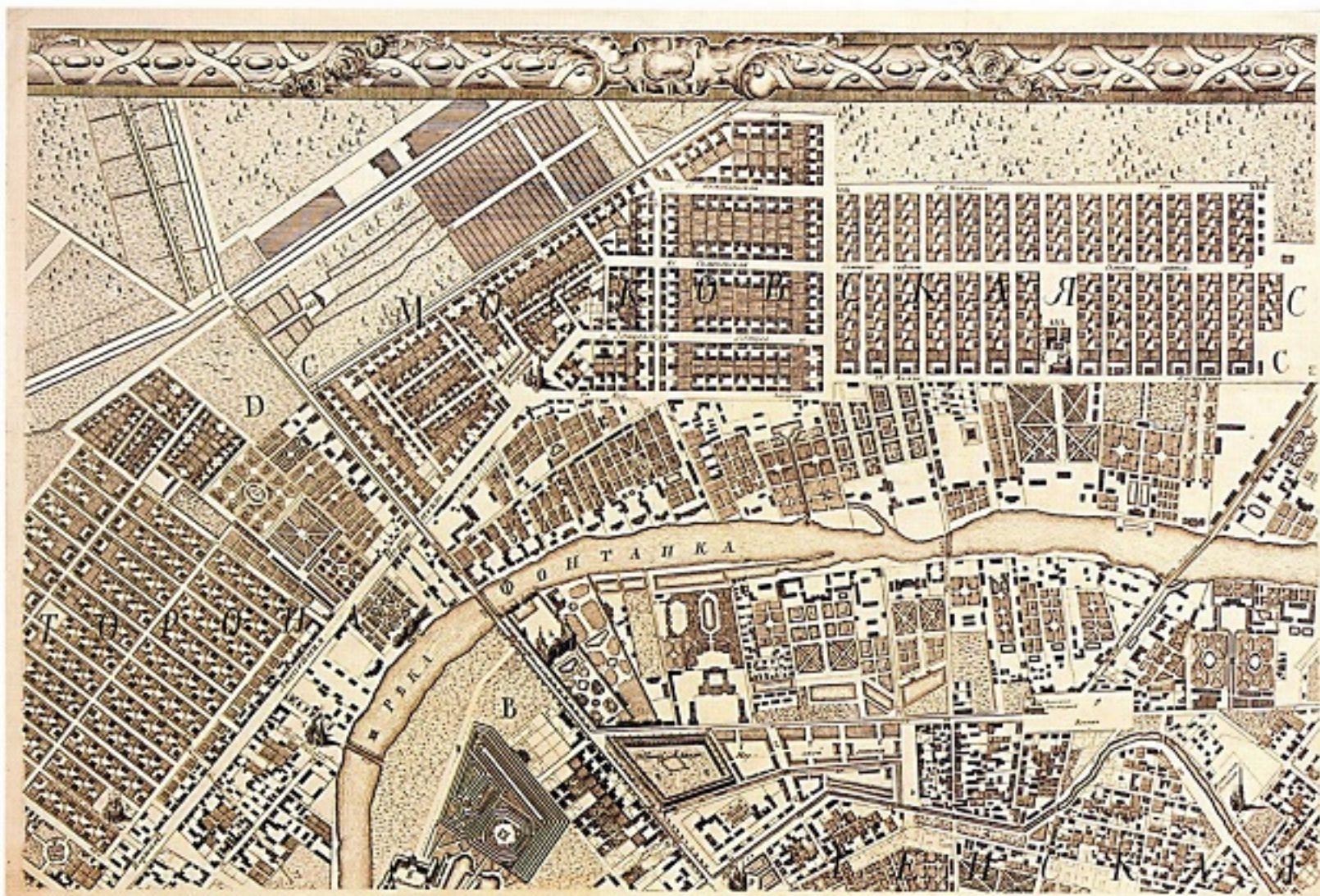
Походивший, по воспоминаниям Великой княгини Екатерины Алексеевны, «своими украшениями на манерки из алансонского кружева», дворец принадлежал Московского университета куратору, Академии Художеств главному директору и основателю, члену Лондонского королевского собрания и Мадридской Академии

Художеств» действительному камергеру И.И. Шувалову. В 1750-е годы он был одним из художественных центров Петербурга. Здесь размещались классы Академии художеств, в том числе гравировальный кабинет, картинная галерея и библиотека. В особняке бывали М.В. Ломоносов и А.П. Сумароков, около четырех лет в нем находилась мастерская Пьетро Ротари, который был приглашен в Петербург по инициативе И.И. Шувалова и выполнял заказы петербургской знати, в том числе и Петра Борисовича Шереметева...

Остаются две постройки, упоминаемые в названии и связанные с происходящим действием, но находящиеся за рамой картины, — Летний и Зимний дворцы императрицы. Возведенный на территории третьего Летнего сада, одноименный дворец был одной из первых построек для Елизаветы Петровны. Еще будучи цесаревной, она поручает строительство архитектору Франческо Бартоломео Растрелли. Первый этаж на цоколе был каменным, второй — деревянным. Один фасад был обращен в сторону Невской перспективы, другой — главный — к Мойке, в сторону Летнего сада. От Невской перспективы почти параллельно Фонтанке проложили широкую дорогу, вдоль которой тянулись оранжереи, росли фруктовые деревья. Вероятно, часть этого рукотворного сада с оранжереями видна на переднем плане картины. В 1745 году построили крытую галерею для перехода из дворца в Летний сад через Мойку.

В мае Елизавета Петровна вместе со всем двором переезжала из Зимнего дворца в Летний, чтобы пробыть там до конца октября. Переезд превращался в целую церемонию с оркестровой музыкой и артиллерийской пальбой. Но об этом чуть позже...

Граверы Петербургской Академии наук под руководством И.А. Соколова (по чертежам Дж.Т. Трускотта).
План столичного города Санкт-Петербурга (верхний средний лист). Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург.

Зимний дворец, получивший название «Новый каменный», был создан для Елизаветы Петровны в 1754—1762 годах также Ф.Б. Растрелли. Первые десять лет правления императрица жила во дворце, перестроенном для Анны Иоанновны на набережной Невы из дворца генерал-адмирала Федора Матвеевича Апраксина. В 1754 году последовал указ о постройке нового здания на его месте. Однако в названии картины, возможно, имеется в виду совсем другое здание. Несмотря на то что Елизавета Петровна торопила архитектора с окончанием работ, она так и не увидела дворец во всем его блеске. Известно, что на время строительства императрица переехала во дворец, построенный Растрелли на Невском проспекте в 1754—1755 годах. Это было одноэтажное деревянное здание, фасад которого занимал около трехсот метров, и оно могло свободно вместить весь императорский двор. Елизавета Петровна приезжает в деревянный Зимний 5 ноября 1755 года. Здесь же она проводит и последние дни жизни, скончавшись 25 декабря 1761 года.

Топографическая точность изображения позволяет проследить маршрут поезда императрицы. Сохранился гравированный план Петербурга 1753 года, который наряду с двенадцатью видами города составлял альбом «План столичного города Санкт-Петербурга с изображением знатнейших оного проспектов», поднесенный Елизавете Петровне в день годовщины коронации, 25 апреля 1753

года. Рисунки для будущих гравюр выполнял Михаил Махаев.

Несмотря на довольно подробную прорисовку и точное расположение построек, в документализм махаевского плана нередко «вкрадывается» его собственная фантазия. Еще в начале XX века план привлек внимание ученого и искусствоведа Владимира Яковлевича Курбатова. В очерке «Картина Елизаветинского Петербурга» (из книги «Петербург», 1913) он писал, что многих садов, изображенных у М. Махаева, вовсе не было. Так, например, вдоль Садовой улицы у него изображены сплошь сады, а в действительности болото, бывшее на месте Щукина рынка, засыпано только в конце XVIII века. Окраины города, где стояли Преображенский, Семеновский и Измайловский полки, и северная часть Петербургской стороны были кое-как застроены, тогда как у него изображены правильные ряды строений.

Действительно, М. Махаев всегда умудряется воплотить на бумаге *свое видение* окружающей его местности. Как тонко и убедительно он переплетает реальные и выдуманные детали в рисунках кусковского парка, не сохранившихся, но известных по гравюрам П. Лорана, отпечатанным с них в Париже!

Тем не менее на плане виден маршрут в целом, связь между постройками в определенном уголке Петербурга. Здесь отчетливо различимы Аничков дворец, часть сада

с оранжереями и конечный пункт путешествия императрицы — Летний дворец, расположенный ниже по Фонтанке, за Сампсониевским мостом.

Теперь обратимся непосредственно к сюжету. Переезды Елизаветы Петровны из Зимнего дворца в Летний были зафиксированы в камер-фурьерских журналах. В период с 1755 по 1761 год упоминание о них встречается трижды. Последнее — в 1757 году. Возможно, это объясняется сильной болезнью императрицы, начавшейся в это время. Спустя год Елизавете Петровне становится лучше, однако полностью она так и не выздоровела, страдая повторяющимися припадками до самой смерти. В Церемониальном, банкетном и походном журнале 1756 года указывается, что переезд происходил «без церемонии». Опираясь на различные источники, приведем описание поезда императрицы 1 мая 1755 года.

В одиннадцать часов утра царица через парадное адмиралтейское крыльцо вышла к карете. Кавалеры, статс-дамы и фрейлины, соблюдая старшинство, возглавили кортеж. Затем двинулась главная карета, которую верхом сопровождали дежурный генерал-адъютант Петр Иванович Шувалов, обер-штаалмейстер Петр Спиридонович Сумароков, два камер-фурьера, два камер-пажа и два лейб-компанца. Пешими шли шесть гайдуков и четыре скорохода. Между ними и придворными шагали конюхи, гоф-фурьер, двадцать четыре лакея и два камер-лакея во главе со штаалмейстером Петром Михайловичем Голицыным. Их императорские высочества ехали позади государыни. Подле них шествовали камер-лакей, лакеи и конюхи малого двора, а также приставленные к семье наследника престола ординарцы лейб-гвардии Преображенского полка. Замыкал цепочку конвой Конной гвардии с обнаженными палашами. Маршрут выбрали обыкновенный: под арку дворцового флигеля, по Миллионной до поворота на Большую Луговую улицу (в XVIII веке так назывался отрезок пути от Дворцовой площади до Невского проспекта), а с нее — на Невскую перспективу. Путь императрицы сопровождался пушечными выстрелами, данными у Зимнего дворца, у Петропавловской крепости и у Летней резиденции (с яхт «Принцесса Анна» и «Вирцоу», шедших водным путем параллельно поезду императрицы). Внешний вид яхт запечатлен на гравюрах с рисунков М. Махаева 1753 года — «Проспект вверх по Неве от Адмиралтейства и Академии наук к востоку» и «Проспект вниз по Неве реке между зимним Ея Императорского Величества домом и Академиею Наук».

Затратив примерно полчаса на дорогу от Зимнего до Аничкова дворца, царский поезд свернул на проселочный тракт, ведущий прямо к воротам Летнего дома. Возле особняка И.И. Шувалова императрице напомнили, что из его окон, выходящих на Невскую перспективу, за процессией наблюдает турецкий посланник со свитой. На крыльце Летнего дворца императрицу встречали духовой музыкой.

Некоторые детали описания царского поезда находят отражение в картине из кускового собрания. Так, например, на переднем плане действительно видны три кареты; на лугу перед дворцом изображена фигура османа.

Вероятно, в основе кускового полотна лежал рисунок, выполненный с натуры при помощи камеры-обскуры. Косвенным свидетельством этого является выбранный

художником низкий горизонт. Петербургская исследовательница М.А. Алексеева считает, что это мог быть несохранившийся рисунок М. Махаева, созданный во время второго петербургского периода его творчества, уже после того, как был выпущен упомянутый ранее юбилейный альбом 1753 года: «В отчете за январь-март 1757 года художник сообщает: «Проспект по реке Фонтанке от Симеоновского мосту за Аничковския палаты с около лежащими местами нарисован и Господином Валерияном апробован». Время рисования с натуры нового вида не отмечено. По-видимому, он был снят летом или осенью 1756 года. К этому времени были разрушены домики гоф-интендантской конторы, заслонявшие вид «за Аничковския палаты», образовалось открытое место с дорогой вдоль Фонтанки от Летнего дворца к Аничкову... И хотя Махаев в названиях рисунка ни разу не упоминает Шуваловский дворец... в пользу этого предположения говорит и характер изображения архитектуры, и особенно дальний план справа с церковью Рождества Богородицы».

Рисунок М. Махаева мог быть включен во второй альбом «Санктпетербургских же и других мест проспектов». По замыслу автора второй альбом должен был быть того же объема, что и первый. В него предполагалось включить три больших «генеральных» вида и шесть «специальных». К маю 1757 года список проспектов к гравированию был готов. М. Махаев сообщает: «...ежели приказано будет на меди гридировать, всех двенадцать досок выковать заказать». Однако из-за смены руководства Гравировальной палаты Академии наук и недостатка мастеров видовой гравюры альбом не был закончен. К сожалению, не известен список проспектов, поданный М. Махеевым «сколько из оных к гридированию апробовано, сколько вчерне карандашом заготовлены и сколько действительно в деле находятся».

Не отвергая предположение об авторстве М. Махаева, заметим, что гипотеза М.А. Алексеевой о конкретном упомянутом рисунке кажется не вполне обоснованной.

Во-первых, упоминание местности в отчете М. Махаева «по реке Фонтанке от Симеоновского мосту за Аничковския палаты» подразумевает изображение довольно большой территории. Расстояние от Семеновского моста до палат приблизительно соответствует расстоянию до них от Зимнего дворца императрицы. В «Выезде» Аничков дворец, видимый на заднем плане, завершает перспективу. Художник уделяет внимание именно виду в сторону дома И.И. Шувалова.

Во-вторых, среди архитектурных сооружений шуваловский дворец занимает главное место в композиции, и кажется странным, что гравер мог «забыть» его упомянуть в описании.

В-третьих, по мнению М.А. Алексеевой, рисунок не мог быть создан ранее 1756 года, так как с апреля 1751 по 1756-й М. Махаев уже не работал на улицах Петербурга, несмотря на то что все другие годы свое основное дело — рисование Петербурга — он совмещал с любой другой работой. В 1755 году он официально занят рисованием пригородов: Царского Села, Петергофа и Ораниенбаума. М.А. Алексеева упоминает и о таком интересном факте, как работа с помощью камеры-обскуры: «В июле 1757 года Махаев получает билет, «дабы проспекты снимать

Гравюра Я.В. Васильева с рисунка М.И. Махаева. Вид Невского проспекта от Аничкова дворца в сторону Мойки. 1753 г.
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург.

безпрепятственно позволено было... при императорских домах, в крепостях, на колокольнях здесь и вне Санктпетербурга». Таким образом, если принимать во внимание, что вид «снят» камерой-обскурой, вероятно с балюстрады, ограждающей сад перед Летним дворцом, и что майский переезд 1757 года (17 мая) был последним, упоминаемым в камер-фурьерских журналах, то возникает расхождение во времени.

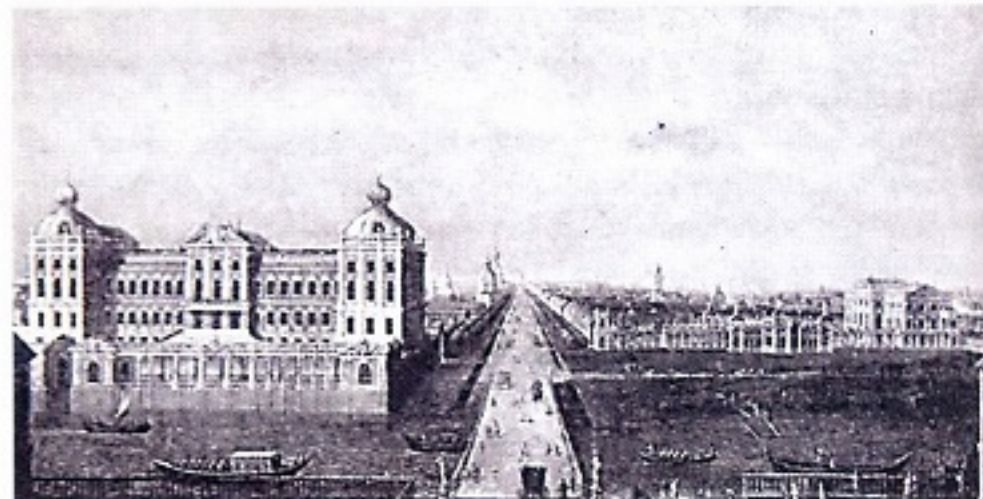
Если рисунок не принадлежал М. Махаеву, то можно предположить, что его автор, как и знаменитый гравер,

был прежде всего ведутистом. Панорама, открывающаяся на ансамбль, интересует его не менее самого поезда. Торжественная процессия не является для него заданной темой, действием, происходящим на фоне города. Она, скорее, играет роль важного временного акцента, призванного подчеркнуть облик Петербурга на данный момент, облик, который так скоро может измениться.

Ведь в этом заключалась одна из главных задач гравера начиная с Петровской эпохи. Рисунок служил той основой, которую видоизменяли, дополняли, в гравюрах и картинах.

Неизвестный художник по рисунку М.И. Махаева.
Аничков дворец и Невский проспект. 1750-е гг.

Неизвестный художник по рисунку М.И. Махаева.
Аничков дворец и дворец И.И. Шувалова. Середина 1750-х гг. ГРМ.

Его не берегут и не хранят. Так, не сохранилось ни одного махаевского оригинала к двенадцати «знатнейшим проспектам». Когда президенту Академии наук Кириллу Григорьевичу Разумовскому понадобились изображения трех больших пригородных дворцов, М. Махаев получил распоряжение: виды Петергофа и Ораниенбаума скопировать со своих рисунков, а вид дворца в Царском Селе, уже в какой-то части награвированный, отпечатать и «*другие места тушью приделать*».

В связи с этим вопросом интересна судьба рисунка М. Махаева «Аничков дворец и Невский проспект».

С этого рисунка, созданного для альбома Петербурга 1753 года, было сделано несколько графических и живописных копий. Все изображения дают подробное представление об Аничковом дворце и близлежащих местах, занятых домиками гофинтендантской канторы, и, вероятно, были созданы до строительства дома И.И. Шувалова. Однако в Государственном Русском музее сохранилась картина, выполненная неизвестным художником в середине 1750-х годов, где на месте домиков возвышается только что отстроенный шуваловский дворец.

Не имея в качестве первоисточника рисунок или гравюры, трудно судить об изменениях в композиции кусковского картины. Вместе с тем, в том, как она написана, кроется некая загадка. Если внимательно присмотреться к самому поезду императрицы, то на переднем плане картины можно увидеть несколько фигур, вероятно не до конца записанных и проступающих из-под верхнего масляного слоя. Это силуэт лошади за тройкой всадников, преобразенный между каретой и повозкой. Возможно, на месте процессии первоначально были изображены просто стаффажные фигуры, что опровергнет создание полотна «по случаю». С другой стороны, «проявление» фигур-призраков объяснимо не очень высоким мастерством живописца.

Стилистический анализ кусковского полотна и упомянутые исторические факты позволяют выдвинуть следующую версию. Художник, вероятно, опирался на гравюру или рисунок, созданный мастером-ведутистом с натуры в 1755 или 1757 году. Скорее всего, картина была написана вслед за рисунком или гравюрой. Такое предположение можно высказать, опираясь на многочисленные примеры копирования. Так, в случае с рисунками М. Махаева разница в создании их графического и живописного вариантов составляет всего несколько лет (Летний дворец — гравюра А.А. Грекова с рисунка М.И. Махаева — 1753 г., полотно работы неизвестного художника из ГЭ — 1756 г.).

Наряду с проблемами авторства и датировки кусковского «Выезда...» не менее важным и интересным является вопрос о заказчике и появлении картины у Шереметевых. Здесь снова придется обратиться к сюжету и топографии Петербурга. Опираясь на сведения о городской застройке до 1755 года, можно обнаружить, что в конце 1740-х, почти напротив будущего дворца И.И. Шувалова (чуть по диагонали), на другой стороне Фонтанки для Петра Борисовича Шереметева строится ныне существующий Фонтанный дом. Как и дворец елизаветинского фаворита, он возводится по проекту С.И. Чевакинского. Из окон шереметевского особняка открывался вид, подобный тому, что запечатлен в «Выезде...».

Известно, что Елизавета Петровна благоволила к графской семье. Зрелые годы Петра Борисовича выпадают на расцвет правления императрицы. В ее царствование он делает карьеру: действительный камергер в 1741 году, генерал-поручик в 1754-м, генерал-аншеф в 1760-м и в том же году генерал-адъютант. Получает ордена Св. Анны (1742), Св. Александра Невского (1744) и Белого Орла (1758). Царица решает и личную судьбу графа: в 1743 году он получает согласие на брак с Варварой Алексеевной Черкасской, которую Елизавета Петровна жалует в камер-фрейлины, а затем в статс-дамы. Наконец, П.Б. Шереметев, вероятно, сам участвовал в переезде царского поезда. В камер-фурьерском журнале 1755 года описание процессии сопровождается интересной заметкой на полях: «30 апреля ...господам придворным Кавалерам, чрез придворных лакеев, письменно объявлено: Ея Императорское Величество в будущий понедельник... соизволит Свое Высочайшее перешествие иметь из Зимняго в Летний Дворец к обеденному кушанью, большим выходом; чего ради в оный день оным персонам быть в Зимний Дом по утру в 11-м часу, для бытия в том выходе в церемонии».

Таким образом, сюжет кусковского «Выезда...» вполне мог заинтересовать П.Б. Шереметева. Кроме того, если рисунок был создан М. Махаевым для второго петербургского альбома 1757 года, но не гравирован, можно предположить, что Петр Борисович был знаком с художником и знал о существовании рисунка, так как через десять лет М. Махаев будет «снимать» виды Кускова.

Неизвестный художник XVIII в. Копия с «Выезда императрицы Елизаветы Петровны». ГМК и «Усадьба Кусково XVIII века».

«Выезд...» послужил оригиналом для незаконченной копии, хранящейся также в ГМК и «Усадьба Кусково XVIII века».

Она появляется в описи Кускова 1919 года: «Начатая копия с картины, находящейся в комнате соседней с библиотекой «Выход имп. Екатер. II» (ошибочно названа в описи Екатериной II. — А.М.). В описи Мещеринова 1830 года картина не упоминается.

На нейтральном фоне изображены поезд императрицы, стаффажные фигуры, часть шуваловского дворца и крыши на переднем плане. Они как бы накладываются на поверхность холста, находятся вне пространства, изначально построенной композиции. Видны только тонко прорисованные контуры каждой отдельной фигуры, как будто сначала художник обозначал их местоположение, а затем выписывал. Возможно, недописанная картина была не первой копией. Но это только предположение, попытка решить еще одну загадку, оставленную шумной и блистательной эпохой Елизаветы Петровны...

Анна МУКОВОЗ